

БЕЛОРУССКИЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ О ГОЛУБИНОЙ КНИГЕ

Одним из наиболее глубоких, с философским подтекстом, является мировоззренческий [* 1] стих о познании мира – Голубиная Книга [* 2]. Исследователи прошлого, как правило, относят его к «старшим», «мировым» [1, в. II] стихам. Мы причисляем стихи о Голубиной Книге к ранним, опираясь, прежде всего, на сюжет стиха, который оформился в домонгольские времена (не позднее XII – первой половины XIII вв.).

По утвердившейся традиции, уходящей корнями в XIX столетие, исследователи считают стих о Голубиной Книге русским по происхождению, так как наибольшее количество записей этого стиха находится именно в русских вариантах. До сих пор российские фольклористы фиксируют этот стих на Севере России. На Украине Голубиная Книга не получила большого распространения, однако С. Грица пишет об исполнении «Голубиной Книги» [* 3] каликами «на Украине и в Белоруссии еще до недавнего времени» [5, 74].

По этому вопросу у нас имеется своя собственная точка зрения. Один из самых полных по содержанию поэтических текстов «Голубиной Книги» – белорусский. Белорусские варианты, записанные собирателями XIX – начала XX в., сохранили многие архаические стилистические черты поэтики, отличаются большой протяженностью, развернутостью, красочностью образов, неповторимостью композиционного строения. Несмотря на сюжетную близость к русским вариантам, многие белорусские образцы – уникальное явление. Не следует забывать факт исхода православных белорусов и украинцев со своих земель в XVII в., времени активного наступления униатства и католицизма на православие. Покинувшие родные земли селились на Севере России, в Сибири, где и был позже записан стих о Голубиной Книге. Этим может объясняться малая сохранность «Голубиной Книги» на этнических белорусских землях. К тому же в прошлом белорусские духовные стихи вообще мало фиксировались по целому ряду причин. Так, белорусский фольклор поначалу записывался польскими собирателями, затем – русскими. И только позже – белорусами, радевшими о сохранении белорусских народных песен.

Поистине бесценным, огромным по важности в деле сохранения эпического наследия белорусского народа стал труд Е. Р. Романова, который в пятом выпуске Белорусского сборника [13] поместил четыре уникальных белорусских образца Голубиной Книги [* 4]. Собиратель привел также поэтические фрагменты из других вариантов, отметив в них разночтения, что позволяет нам говорить о живой традиции исполнения стиха о Голубиной Книге в конце XIX в. преимущественно на Севере и Северо-востоке Беларуси.

В свое время стиху о Голубиной Книге было посвящено немало трудов [* 5], в которых исследователи пытались раскрыть основную символику

поэтических образов, этимологию понятийного материала, рассматривалась связь стиха с его возможными сюжетными источниками (апокрифами «Беседа трех святителей», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Иерусалимская беседа»). В нашу задачу не входит подробный текстологический анализ стиха.

Как ранее отмечалось, в пятом выпуске Белорусского сборника помещено четыре основных варианта стиха [* 7]. Названные нами «классические» варианты стиха о Голубиной Книге, к которым относятся и образцы а), б) из сборника Е. Р. Романова, композиционно состоят из типичных для эпических произведений трех разделов: зачина, центрального раздела и эпилога.

Зачин – чудесное появление самой Голубиной Книги – «выпадает» с небес. В образцах Е. Р. Романова начальный эпизод вызывает аналогию с волшебными сказками, настраивая слушателя на особую, присущую повествовательным видам атмосферу эпического спокойствия. И если в сказках, как об этом пишет В. Я. Пропп, настроение спокойствия обманчиво и вскоре начинают стремительно разворачиваться «события величайшей напряженности и страстности» [14, 132], в Голубиной Книге дальнейшие события не выходят за рамки спокойного, величественного рассказа. И только эпилог, включающий притчу о Правде и Кривде, содержит момент собственно действия: борьбу серенькой и беленькой зверюшки (богатырей, зайцев), добра и зла.

Основной, центральный раздел духовного стиха содержит вопросы и ответы обо всем сущем на Земле. Это своего рода катехизис простого человека-христианина, для которого неоспоримым является единое – Божественное – начало всего, что он видит вокруг себя. В этом разделе причудливо сочетаются древние, языческие и христианские образы. Строением центрального раздела и отличаются различные варианты стиха.

Сравнение русских и белорусских вариантов говорит об общности главных поэтических символов центрального раздела. Множество разночтений было обусловлено устной традицией бытования фольклорных образцов, а также диалектными особенностями той или иной местности [* 8].

В белорусских стихах о Голубиной Книге акцент делается именно на центральном разделе. Объяснение многих образов в русских духовных стихах близко былинам новгородского цикла, что свидетельствует о единстве северной традиции складывания духовных стихов и былин. Цепная строфика, встречающаяся в поэтическом тексте, свидетельствует о возможном формировании содержания подобных вариантов под влиянием эпохи рубежа XVI–XVII вв. Ответы царя Давида в белорусских образцах более апокрифичны, бесхитростны, чем аналогичные ответы в русских стихах. Трактовка самого сюжета также более свободная. Представления певцов о христианской символике часто выходят за рамки христианских канонов. Как и в наиболее полных русских поэтических текстах стиха, базирующихся на содержании апокрифов, в белорусских также встречается перечисление тяжких грехов. Основные понятия, главные образы стиха направлены во внешний мир, космос. В белорусских вариантах стиха главным является

объяснение окружающего мира, находящегося вокруг, а потому на первом плане стоят древние образы живой природы.

Эпилогом духовного стиха часто становится притча о борьбе Правды и Кривды, добра и зла. Правда уходит на небеса, к Богу, а Кривда остается среди людей, на земле. Притчу мы встречаем в вариантах а) и б). Эти два варианта, пожалуй, наиболее близко стоят к русским по своей «нормативности» композиционного строения, однако в трактовках образов достаточно самостоятельны [* 9]. В то же время в русских вариантах притче уделяется особое внимание.

Все исполнители рассматриваемых четырех вариантов – мужчины [* 10]. Корни этой мужской исполнительской традиции уходят в далекое прошлое, период государственной общности, эпоху формирования восточнославянского эпоса. В среде белорусских профессиональных странствующих музыкантов могли сохраниться более ранние варианты стиха о Голубиной Книге, что мы и видим на примере белорусских образцов, во многом непохожих на русские.

* * *

Записанный в 2002 г. в д. Зимонино Шумячского района Смоленской области экспедицией Л. Ф. Костюковец духовный стих о Голубиной Книге «Из-за леса, леса цёмнага» на сегодняшний день является уникальным. Ранее мы с сожалением констатировали, что не имеем записей белорусских напевов мировоззренческого стиха о Голубиной Книге. С уходом лирников из нашего быта наиболее древние эпические стихи практически не фиксировались в полевых условиях.

Этот духовный стих свидетельствует о богатой белорусской эпической традиции прошлого. В исполнении жительницы деревни Зимонино Анны Лукьяновны Мураевой (1917 г. р.) стих прозвучал как небольшой фрагмент. Она сама призналась, что слышала его от женщины более двадцати лет назад и многого не запомнила. Однако даже этот незавершенный фрагмент удивительно поэтичен, полон прекрасных образных сравнений и эпитетов. О трансформации содержания свидетельствует более позднее введение в текст образа Иисуса Христа, вместо традиционного для духовных стихов о Голубиной Книге Давида Авсеевича.

Раннее происхождение этого варианта стиха подтверждают многие черты его музыкально-поэтической стилистики. Прежде всего – нестрофическая организация поэтического текста, которая нестабильна. Так, 1-я и 2-я нерифмованные строки объединяются по принципу АБ. Эти строки выполняют функцию своеобразного зачина, введения. Между 3-й и 4-й строками появляются элементы цепного стиха. Однако уже между 5-й и 6-й поэтическими строками и далее перед нами предстает новый тип цепной организации: при повторении последнего слова из предшествующей строки в последующей явственно устанавливается цезура. Таким образом, тоническое стихосложение в начале поэтического текста этого духовного стиха изнутри «расшатывается», уступая место силлабическому (3 + 7; 5 + 7). Интересной особенностью тонического стихосложения этого варианта является также «сглаживание», вплоть до нивелирования музыкальной ритмичкой смыслового

тонического акцента в начале строк (принцип силлабизации тонического стиха). Ритмичкой подчеркнуто логическое (тоническое) ударение на третий слог от конца стиха – дактилическое окончание. Рифма в поэтическом тексте отсутствуют. Есть лишь огласовка слов на концах строк и глагольные окончания.

Характерной особенностью нашего варианта является несовпадение естественных логических ударений в поэтическом тексте и ритмических в мелодии, что свидетельствует о более раннем происхождении напева нежели самого поэтического текста. Музыкально-поэтическая ритмика импровизационная, присущая эпическим видам.

Мелодия этого духовного стиха поражает сохранностью древних элементов. Узкая по диапазону (ее амбитус – чистая кварта), она целиком вырастает из одной попевки, которая в каждой новой строке варьируется.

Ее основное интонационное ядро – славянский трихорд ми – соль – ля – является одним из древнейших ладов-попевок в интонационном комплексе славянского традиционного песенного фольклора. Благодаря импровизационности, вариантности исполнения в нешироком по диапазону напеве выделяются одни из наиболее ранних интонаций: то восходящей кварты, которая часто звучит в экспозиционных разделах эпических произведений, то интонации «плача», «причета», в каденции – заполненная малая терция (интонация «просьбы»). О древности напева говорит и бифункциональность устоев. В целом напев симметричный, стройный, заверченный. Певица исполняет духовный стих «говорком», выдвигая на первый план речевую интонацию, благодаря чему этот вариант стиха о Голубиной Книге звучит достаточно строго и архаично.

Из всех имеющихся в нашем распоряжении русских и белорусских записей духовного стиха о Голубиной Книге этот образец – один из самых древних. Ниже мы приводим его в нашей транскрипции.

Сравнение белорусских вариантов духовных стихов о Голубиной Книге с русскими показывает некоторую обособленность белорусских стихов от русских, наличие ярких индивидуальных черт, которые мы не находим в русских образцах. Бóльшая «язычность», апокрифичность, сохранность древних стилистических черт в поэтике и мелодике белорусских стихов позволяет сделать предположение об их более раннем происхождении. Композиционный, текстологический, музыкально-стилистический анализ белорусских вариантов дает возможность говорить о том, что на рубеже XIX–начала XX ст. в Беларуси существовала своя, самостоятельная сильная лирическая эпическая традиция, объединяющая север – северо-восток Беларуси (Витебская, частично – Могилевская и Смоленская области).

$\text{♩} = 174$

Апавядальна А

Із - за ле - са, ле - са це - мны - га Б

за - ха - дзі - ла там ту - ча гро - зны - я.

Вы - па - да - ла кні - га [а]гро - мны - я.

А - гро - мны - я - две - на-щаць пу - доў.

Ні - хто кні - гу не мог по - дня - ці.

З зе - млі по - дня - ці, на ру - ча - нках па - дзе - ржаць...

По - дзе - ржаць, па стро - чэ - чкі пра - чы - таць.

Про - чэ - таць, по сло - ве - чку ра - ска - заць.

Ту - да шла - про - шла...

ПРИМЕЧАНИЯ

* 1. Термин наш. Мы вводим его в кандидатской диссертации «Белорусский духовный стих устной традиции», которая готовится к защите на кафедре белорусской музыки БГАМ, руководитель – профессор Л. Ф. Костюковец.

* 2. Этимологию слова «голубиная» выводят из двух названий: 1.) Голубиная – глубинная, т. е. мудрая; 2.) голубиная – от голубя, Святого Духа. «Голубиная Книга» – это Псалтирь Давида, особо почитаемая христианами. Именно к царю Давиду – в стихах часто называется Давид Евсеевич, (Авсеевич) – обращаются герои духовных стихов о Голубиной Книге за разъяснениями сложных космогонических образов стиха. Стих о Голубиной Книге рассматривается нами среди ранних, однако немногочисленные напевы, зафиксированные, в основном, собирателями конца XVIII – начала XX вв. являются гораздо более поздними, нежели поэтическое содержание стиха. Напевы можно отнести уже к эпохе XV – XVII вв., («эпохе лирики» – термин А. В. Рудневой [14]).

* 3. Далее на с. 76 она пишет: «Как видно из примечания Бессонова [1, 315], один из вариантов «Голубиной Книги» был зафиксирован в 1834 г. П. Киреевским в селе Осташки (теперешней Хмельницкой области). А это доказывает, что былины (это *духовный стих* – Л. Б.) до недавнего времени бытовали на Украине». Мы полностью согласны с исследовательницей, которая говорит на примере общих тем и сюжетов духовных стихов и былин о «существовании некогда единой древнерусской эпической традиции. Более позднее расслоение этой единой традиции на русскую, украинскую и белорусскую не помешало сохранению в творчестве славянских эпических певцов общих стилистических признаков словесного и музыкального языка, которые были заложены еще в эпоху Киевской Руси» [5, 81].

* 4. Ранее, русским писателем Н. И. Надеждиным [12, 31] был опубликован незавершенный образец, отрывок (32 строки) белорусского стиха о Голубиной Книге «Што на матушке на святой Руси...». Этот же стих перепечатывался затем дважды: в изданиях В. Варенцова [3] и П. Бессонова. В Смоленском этнографическом сборнике мы также обнаружили еще один белорусский поэтический вариант [7, 169–171] – «Што з-за лесу, лесу темныга», который исполнила Матрена Михалёва. Стих был записан не от непосредственного представителя традиции складывания и исполнения духовных стихов, а от вторичного информатора, что во многом объясняет лаконичность смоленского варианта, его незавершенность. Вариант М. Михалёвой является кратким пересказом основного содержания стиха.

* 5. См.: А. Н. Веселовский [4], Ф. И. Буслаев [2], В. Н. Мочульский [11].

* 6. Среди филологических публикаций конца XX ст. назовем книгу В.И.Калугина [8], где на с. 234–238 рассматривается этот духовный стих.

* 7. а) «Як на сёй на горе на Сияньской» («классический» образец, записан в д. Волотовки Городецкого уезда Витебской губернии от крестьянина Василия Денисенка, 57 лет);

б) «Як сы той стороны с пыдвосточныя» («классический» образец, записан в с. Дубокрай, Городецкого уезда Витебской губернии);

в) «О с-под лесу, лесу, лесу цёмнаго» (незавершённый вариант, без притчи о борьбе Правды и Кривды; записан в Павловской волости (ныне – Круглянский район Могилевской области). Варианты – из Могилевского и Горецкого уездов);

г) «Як с под лесу, лесу, лесу цёмнаго» (Соинской волости Мстиславльского уезда (ныне – территория Смоленской области, Хиславичский район). Варианты – из Климовичского и Чериковского уездов).

* 8. Характерно появление в варианте г) вопроса о пчеле. Образ трудолюбивой пчелы (в духовном стихе – Скуголь-пчела) присущ белорусскому традиционному фольклору. Ласковые эпитеты «пчолачка», встречается и в свадебных, и в календарных песнях белорусского народа. Филолог А. В. Гура пишет о пчеле как Богородице в народной традиции славян [6, 17].

* 9. В белорусском фольклоре повествование о борьбе Правды с Кривдой получило большее распространение в качестве самостоятельной сказки. См., например, сказки № 99 «Праўда і крыўда» и № 100 «[Крыўда і праўда]» [16, 440–445].

* 10. Е. Р. Романов в предисловии к своему сборнику писал: «Если с одной стороны, для белорусского нишего может быть допущена возможность заимствования стихов из Великой и Малой Руси, и даже из Польши, то с другой стороны *не должна исключаться и возможность самобытного творчества* (курсив наш — Л. Б.), [13, 9]. Е. Р. Романов очень осторожно говорит о возможном заимствовании Голубиной книги из России, с привлечением слов «может быть», «возможно». Здесь, пожалуй, нужно смотреть шире на существование сложившейся *традиции* создания и исполнения духовных стихов, основная локализация которой произошла на севере как России, так и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонов П. А. Калеки переходные: сборник стихов и исследование. в 6 вып. 1864. Вып. 6.
2. Буслаев Ф. И. О литературе: исследования, статьи. М., 1990.
3. Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860.
4. Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов: в 6 вып. СПб., 1891. Вып. 6.
5. Грица С. И. Украинская песенная эпика. М., 1990.
6. Гура А. В. Пчела как Богородица в народной традиции славян // Живая старина. 2001. № 1.
7. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник / Записки Императорского РГО по отделению этнографии. М., 1903. Т. 27, Ч. IV.
8. Калугин В. И. Герои русского эпоса: очерки о русском фольклоре. М., 1983.
9. Марозаў А. У. Духоўныя вершы. Жанравыя своеасаблівасці, змест, узаемазвязі з кантамі і псалмамі // Беларусы: у 7 т. Мн., 2004. Т. 7: Вусная паэтычная творчасць.
10. Мифалогія. Духоўныя вершы. Мн., 2003.
11. Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ Стиха о Голубиной книге // Русский филологический вестник. 1887–1900. Т. 16–18.
12. Надеждин Н. Русская беседа. 1857. № IV. Ч. 2.
13. Романов Е. Р. Белорусский сборник: в 9 вып. Вильно, 1891. Вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи.
14. Руднева А. В. Русское народное музыкальное творчество: очерки по теории фольклора. М., 1994.
15. Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.
16. Чарадзейныя казкі: у 2 ч. Мн., 1978.